

Мироносицкий Порфирий Петрович

**С.А. Рачинский и церковная
школа**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
П60

П60 **Порфирий Петрович М.**
С.А. Рачинский и церковная школа / Мироносицкий Порфирий Петрович –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 38 с.

ISBN 978-5-519-96772-3

ISBN 978-5-519-96772-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

С. А. РАЧИНСКИЙ

И ЦЕРКОВНАЯ ШКОЛА *).

Безпристрастный изслѣдователь, который взялъ бы на себя неблагодарную задачу проанализировать то положеніе, въ какомъ находятся теперь вопросъ о народномъ образованіи, не могъ бы не признать, что здѣсь много неяснаго, противорѣчиваго и подчасъ тревожнаго... Правда, мы видимъ нѣкій залогъ отрадный въ томъ, что и у правительства, и въ законодательныхъ сферахъ, и въ обществѣ, и въ печати народное образованіе пользуется въ настоящее время исключительнымъ вниманіемъ, каковое раньше едва-ли когда-нибудь наблюдалось. Но лишь только мы коснемся

*) Рѣчь, сказанная въ присутствіи членовъ Чрезвычайнаго Собранія Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, и другихъ лицъ, 6 мая 1910 г.

тѣхъ рѣшеній, къ которымъ приходятъ въ этомъ вопросѣ—теорія и практика, законодательство и исполненіе, интеллигенція и самъ народъ,—то увидимъ, что здѣсь не только отсутствуетъ единодушіе, но напротивъ — царствуетъ разладъ: рѣшенія зачастую произносятся наугадъ и исполняются ощупью, расчеты не оправдываются, и жизнь никакъ не хочетъ взлетѣть на тѣхъ крыльяхъ, которыя построены по безукоризненнымъ, казалось бы, теоретическимъ чертежамъ.

Надо ли приводить много примѣровъ?

По теоретическимъ заявленіямъ, то и дѣло раздающимся въ нашей печати, выходитъ, что народъ нашъ *рвется* къ просвѣщенію и къ школѣ, что онъ *требуетъ* знаній, что онъ давно *созрѣлъ* для самыхъ смѣлыхъ полетовъ, и напрасно сдерживаетъ его правительственная осторожность.

А если мы послушаемъ наблюдателей самой народной жизни и посмотримъ побольше видовъ, снятыхъ съ натуры, то услышимъ болѣе сдержанныя рѣчи и увидимъ болѣе скромныя картины.

Одни изъ этихъ живыхъ наблюдателей скажутъ намъ, пожалуй, что въ народѣ *пробуждается* жажда просвѣщенія. Но другіе приведутъ множество фактовъ въ доказательство того, какъ часто приходится

будить эту жажду, и какъ рѣдко приходится встрѣчаться въ народѣ съ пробужденнымъ вниманіемъ къ школьному дѣлу. Намъ приведемъ тѣмъ случаевъ, показывающихъ, что благо просвѣщенія цѣнятся крестьяниномъ иногда ниже стоимости пары лаптей и онучъ;—расскажутъ, какъ весной, уже въ началѣ апрѣля начинаютъ «таять» наши школы, безъ различія типовъ и наименованій, и школьники, повинясь распоряженію родителей и инстинкту свободы, одинъ за другимъ перебираются изъ пыльнаго класса на лоно природы, отъ скучныхъ географическихъ правилъ и ариметическихъ задачъ въ милое общество ягнятъ, телятъ, гусенятъ и прочей животной дѣтвора, поручаемой весной ихъ педагогическому надзору. Расскажутъ объ учителяхъ и учительницахъ, которые предъ днями годовичныхъ экзаменовъ собираютъ по межамъ и пригоркамъ свое разсѣянное стадо. Сошлются на низкій и мало повышающійся процентъ учащихся дѣвочекъ и на классическое народное убѣжденіе, что «дѣвчонкамъ грамота ни къ чему». И только въ видѣ исключенія и, какъ рѣдкость, укажутъ намъ нѣсколько мѣстностей, гдѣ населеніе какъ будто сознательно цѣнить заслуги школы и учителя и бережетъ ихъ.

И даже теперь, когда, во имя предлагаемой неутолимой жажды народа къ просвѣщенію, на страну накинута школьная сѣть, мы слышимъ и о пустующихъ школахъ и о недочетахъ въ школьных комплектахъ. Изъ-за спины вопроса о всеобщей доступности обученія уже выглядываетъ вопросъ о школьной повинности, и можно съ большою вѣроятностью предсказывать, что, закинувъ свою сѣть въ народное море, наши ловцы просвѣщенія, прежде чѣмъ поймать желанную золотую рыбку всеобщаго обученія, вытянутъ сначала непріятную тиву обязательности, т. е. принудительности обученія.

Словомъ, столь часто провозглашаемая нынѣ *борьба* съ невѣжествомъ пока есть не что иное, какъ борьба съ самимъ народомъ за блага, сулимые ему просвѣщеніемъ, съ народомъ, который въ то же время желаютъ представить и созрѣвшимъ, и требующимъ, и рвущимся къ просвѣщенію...

Но нынѣ вокругъ вопроса о народномъ образованіи завязалась и разгарается и другая борьба, и она внушаетъ намъ еще болѣе тревожныя мысли. Это междоусобная борьба въ рядахъ самихъ просвѣтителей, въ рядахъ борцовъ съ народнымъ невѣжествомъ. Эту борьбу теперь мягко называютъ организаціей единства въ школь-

номъ управленіи. Но въ сущности—это борьба идей или принциповъ, на которыхъ предполагается созидать великое дѣло народнаго просвѣщенія.

Я уклонюсь отъ подробнаго изложенія фактовъ, характеризующихъ эту борьбу, фактовъ недавняго времени и хорошо извѣстныхъ высокому собранію. Достаточно отмѣтить здѣсь одни общія, хорошо выяснившіяся положенія. Двѣ борющіяся за народную школу стороны заняли въ настоящій моментъ слѣдующія опредѣленныя, по моему мнѣнію, позиціи.

Одни утверждаютъ: народная школа *должна быть* церковной.

Другіе требуютъ: церковная школа *должна сдѣлаться министерской*.

Если эти позиціи будутъ долго и упорно удерживаться борцами, то нравственная и культурная безплодность и безысходность ихъ борьбы можетъ считаться обезпеченной, потому что нельзя же не видѣть, что полемика происходитъ въ двухъ, говоря по-современному, разныхъ плоскостяхъ.

Защитники первой позиціи разомъ выставляютъ съ полною опредѣлительностію и руководящій принципъ и образъ дѣйствованія: всякая народная школа, кѣмъ бы она ни содержалась, кѣмъ бы ни

управлялась, должна быть *церковной* по своему духу: не-церковная школа не народна. Въ виду этого принципа, Церковь,—п въ силу своего призванія свыше и въ силу своей исторически доказанной правоспособности, могла бы, какъ это показываютъ примѣры нѣкоторыхъ западныхъ государствъ, взять на себя управленіе и руководство всякими и всѣми народными школами. Тѣмъ болѣе она никому не можетъ передать управленія и руководства *своими*, ею учрежденными для народа школами.)

Въ защитѣ второй позиціи дѣло обстоитъ, къ сожалѣнію, не столь ясно и открыто. Прежде всего необходимо имѣть въ виду, что здѣсь—лагерь *союзниковъ*, имѣющихъ въ виду одну побѣду, но разные послѣдствія этой побѣды. Одни изъ нихъ, повидимому, искренно убѣждены, что школьный дуализмъ есть зло и что вѣдомству, искони именующему себя «учебнымъ начальствомъ», больно видѣть другую школу, внѣ лучей его вниманія. Быть можетъ, они искренно вѣрятъ въ благо централизаціи, по образцу французскому, и сознательно хотятъ замѣнить добрыя русскія оглобли однимъ заграничнымъ дышломъ.

Но для ихъ союзниковъ «учебное начальство», несомнѣнно, служить только за-

слономъ для болѣе лукавой, подземной сапы. Ненавидя Церковь и церковность, они, однако, не уважаютъ и учебнаго начальства. Освобожденіе отъ Церкви въ ихъ планѣ стоитъ лишь на первомъ мѣстѣ. И когда при помощи своихъ союзниковъ они достигнутъ этого, тогда союзники превратятся во враговъ, и начнется новая, роковая борьба, за послѣдствія которой расплачиваться будетъ тотъ же народъ,—его грядущія поколѣнія.

Таковъ современный моментъ въ исторіи нашей бѣдной начальной школы. Онъ смутенъ и не открываетъ свѣтлыхъ и далекихъ перспективъ. Диссонансъ возбужденъ и звучитъ томительно. И нѣтъ ему разрѣшенія...

И вся острота его, вся гнетущая его томительность досталась на долю дѣятелей церковной школы. Ибо они оказываются въ положеніи осажденныхъ и обреченныхъ. Ихъ дѣло не только не признается, но и всячески унижается въ печати и въ рѣчахъ раздающихся во всю землю...

Въ такія гнетущія минуты душа ищетъ нравственной опоры и высокихъ стимуловъ для новаго подъема на свое дѣланіе, ибо враги и ихъ приспѣшники стремятся всѣми силами потрясти то, чѣмъ жива церковная школа, поколебать въ ея дѣтеляхъ

вѣру въ святость того, что они дѣлаютъ для своей Родины.

Къ счастью намъ дана такая нравственная опора,—намъ, дѣтелямъ церковной школы.

Это — имя Рачинскаго. Это — свѣтлый образъ педагога, озарившаго своею личностью и литературными трудами всѣ дороги, всѣ мелкія тропинки, которыми наша школа углублялась въ толщу и глубь народной жизни, внося въ нее свой тихій свѣтъ.

Рачинскій это—имя мірового значенія. Когда западно-европейская педагогическая мысль займется изученіемъ его принциповъ (а начало этому уже положено въ Англіи), она, быть можетъ, о немъ первымъ скажетъ, что онъ былъ не педагогъ-переводчикъ западныхъ идеаловъ на русскую почву, а творецъ самобытныхъ русскихъ идеаловъ просвѣщенія.

Но школа Рачинскаго—церковная школа. По идеалы Рачинскаго — православные идеалы. И въ этомъ думна каждого церковно-школьнаго дѣателя почерпнуть себѣ отраду и удовлетвореніе.

Въ настоящемъ краткомъ сообщеніи я не ставлю своею задачею представить полную характеристику педагогическихъ взглядовъ Рачинскаго, да это пока и невоз-

можно въ виду того, что главный источникъ для изученія его дѣятельности, его многочисленныя письма, этотъ, какъ онъ говоритъ, «обозъ къ потомству», остаются еще не опубликованными и даже несобранными.

Я позволилъ бы себѣ болѣе или менѣе сжато отмѣтить лишь главные, важныя для насъ именно въ переживаемый церковною школою моментъ, стороны его значенія для нашего дѣла.

И вотъ въ какомъ видѣ формулировалъ бы я одну изъ самыхъ существенныхъ сторонъ его подвига на пользу церковной школы.

Рачинскій своею личностью, своею дѣятельностію и своими литературными твореніями представилъ удивительный примѣръ гармоническаго синтеза между высоко-развитою научною мыслию и религіозно-церковнымъ сознаніемъ и ввелъ идею церковной школы въ содержаніе самаго высокаго міросозерцанія, до котораго только поднималась русская философская мысль. Тѣмъ самымъ онъ развѣсавалъ парализовалъ узкое предубѣжденіе, будто религіозность несовмѣстима съ наукой и прогрессомъ и будто церковность въ народной школѣ есть показатель ея отсталости или затаенныхъ ретроградныхъ замысловъ ея насадителей и глашатаевъ.

Посмотримъ же сначала, какого умственнаго кругозора былъ этотъ нашъ педагогъ, этотъ нашъ учитель церковной школы.

20-ти лѣтъ отъ роду, въ 1853 году, онъ уже былъ кандидатомъ естественныхъ наукъ Московскаго университета, а вскорѣ выдержалъ и магистерскій экзаменъ. Годы 1856—58 онъ провелъ за границей, готовясь къ профессорской дѣятельности. Его спеціальностью была ботаника. Но одни сухія занятія не удовлетворяли его. Превосходно владѣя нѣмецкимъ языкомъ, онъ сдѣлался желаннымъ членомъ лучшаго интеллигентнаго общества городовъ Веймара, Иены, Берлина. Онъ былъ не только популярнымъ коллегой среди веселыхъ нѣмецкихъ студентовъ, которые охотно расцѣпляли сочиняемые имъ студенческія пѣсни, но близко сошелся со многими выдающимися людьми того времени: напримѣръ, съ великимъ піанистомъ и композиторомъ Листомъ, который даже сочинилъ музыку на сочиненный Рачинскимъ на нѣмецкомъ языкѣ гимнъ въ честь Франциска Ассизскаго; съ Іенскимъ профессоромъ Куно Фишеромъ, который уговаривалъ его посвятить себя философіи; съ извѣстнымъ ученымъ—ботаникомъ Шлейденомъ, который письмо Рачинскаго объ отношеніи искусства къ природѣ напечаталъ въ видѣ предис-